

О. В. Ерохина
(Урюпинск)

**Действие «ликвидационных» законов в немецких поселениях
Области Войска Донского в 1915 – 1916 гг.**

Развитие и укрепление связей немецкой этнической общности России с Германией пришлось на период ухудшения российско-германских внешнеполитических отношений. Поэтому любое желание наладить связь с немецкими поселенцами в России было истолковано как попытка Германии использовать немецкую диаспору в своих экспансионистских целях. В русском обществе быстро распространились антинемецкие настроения.

Ответной реакцией российского правительства на новый эмиграционный закон о двойном гражданстве, принятый в Германии в 1870 г., был закон 4 июля 1871 г., который уравнивал немецких колонистов в правах с крестьянами. В 1874 г. в России была введена всеобщая воинская повинность, вызвавшая массовую эмиграцию немецких поселенцев за пределы Российской империи, потому что его действие распространялось и на немецких поселенцев. Германский закон 1880 г. о колониальных кредитах сделал возможным получение финансовой помощи немецкими колонистами России из Германии.

В 1890 г. в докладе императору по вопросу иностранной колонизации министр внутренних дел И. Н. Дурново отметил опасность «немецкой категории русско-подданных», которая состояла в том, что этнические немцы не утратили национальных особенностей и тяготеют «к прежнему отечеству»¹. Для выхода из создавшейся ситуации И. Н. Дурново предложил ввести ограничения для немецких колонистов при покупке земли и с последующим комплексом мер, направленных на ослабление нежелательной обособленности немцев от коренного населения. Он назвал в числе необходимых следующие мероприятия: ликвидация внутреннего управления колониями и налоговых привилегий, введение в немецких школах обязательного преподавания русского языка².

В начале XX в. в ходе проведения столыпинской реформы произошло укрепление полных хозяев в Поволжье и были образованы сотни новых немецких поселений в Сибири³. А в 1910 г. в Государственной думе П. А. Столыпин выдвинул проект «Закона о колонистах», которым предусматривалось ограничение гражданских прав немецких колонистов при покупке земли в трех губерниях Западного края (Киевской, Волынской и

¹ См.: Плохотнюк Т. Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001. С.79.

² См.: Там же.

³ См.: Малиновский Л. В. История немцев в России. Барнаул, 1996. С. 73.

Подольской). Однако думское большинство не поддержало внесенный законопроект, и правительство вынуждено было забрать его «на доработку».

Но в 1912 г. закон снова был внесен в Думу с небольшими поправками и на этот раз принят (причем, к упоминавшимся губерниям была добавлена Бессарабская). По закону немцы (иностранцы подданные), которые приняли российское подданство после 1888 г., ограничивались в праве приобретения земельной собственности.

В 1914 г., с началом Первой мировой войны, интерес правительства к немецкому землевладению снова возрос. Причины повышенного внимания правительственных кругов к проблеме немецкого землевладения заключались в их стремлении попытаться, используя подвернувшуюся возможность, хоть как-то решить за счет немецкого колониста аграрный вопрос¹.

Составной частью антинемецкой кампании стала ликвидация немецкой топонимики. На основании циркуляров Министерства внутренних дел от 13 и 15 октября 1914 года (№ 52, 55) немецкие селения получали русские названия². С целью исполнения этих постановлений Окружное по крестьянским делам присутствие Области Войска Донского приказало переименовать почтово-телеграфное отделение «Остгеймское» в «Больше-краснощековское», сельским лютеранским и католическим училищам присвоить вместо немецких русские названия, жители немецких поселений должны были присвоить своим поселкам русские названия и при въезде в поселок указать на доске название села и число жителей³. Например, колония Штейнрейх получила название Писарев, Фиц - Петровский, Розенфельд - Николаевская и т.д.⁴

Однако, несмотря на то, что циркуляры были исполнены, местные органы власти недоумевали по этому поводу: «При отношении от 8-го мая 1915 года за № 8325 Министерство Внутренних Дел препроводило на благоусмотрение Военного министра ходатайство местного начальства Области Войска Донского о присвоении расположенным в названной Области поселениям с немецкими названиями русских наименований. <...> Вместе с сим прошу... сообщить... насколько соответствует интересам: 1) почтово-телеграфного ведомства – изменение названий весьма значительного числа населенных пунктов и 2) надзора за инородным землевладением – присвоение русских наименований тем поселениям, кои и после сего по существу останутся немецкими»⁵. Местные власти никак не могли понять, зачем необходимо было производить замену, если от этого существующее положение не изменится. Будут только затрачены деньги, а в колониях по-

¹ См.: Дякин В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. 1914-1918. М., 1968. С. 227.

² См.: Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 3698. Л. 59, 61.

³ См.: ГАРО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 4741 а. Л. 214-215.

⁴ См.: ГАРО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 4741. Л. 201-203 об.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1291. Оп. 124. Д. 55. Л.204.

прежнему будет жить немецкое население, которое никакого вреда не наносит местному населению.

Следствием продолжающейся антинемецкой кампании стало ужесточение политики российских властей по отношению к немецкой школе. 12 декабря 1914 г. Совет министров снова подтвердил, что русский язык является обязательным для преподавания и на нем должны были преподаваться все предметы, кроме родного языка и закона Божьего. А 22 декабря 1914 г. всем губернаторам было предписано составлять сельские приговоры только на русском языке¹.

В октябре 1914 г. началось обсуждение Советом министров предложенных «репрессивных» мер в отношении земель немецких колонистов, и продолжалось оно почти три месяца. Выработанный документ был 2 февраля 1915 г. утвержден Николаем II и обрел законодательную силу.

Трудовики в лице А. Ф. Керенского оценили законы 2 февраля 1915 г. отрицательно, потому что в результате отнимались земли у немецкого крестьянства, полтора века жившего в пределах России. А «земли же дворянские, земли, вышедших из крестьянского общества и купивших десятки тысяч десятин никакому воздействию этого закона не подлежат. Когда нужно отвести народное негодование, отвлечь от подлинных виновников нынешней катастрофы, крестьянину бросают крестьянина, создавая новый факел вражды и ненависти»².

Первый закон «О землевладении и землепользовании в государстве Российском австрийских, венгерских, германских и турецких подданных» должен был прекратить землевладение и землепользование лиц, являвшихся подданными воюющих с Россией государств³. В течение 6 месяцев со дня опубликования списков землевладельцы должны были продать свое имущество или по истечении этого срока их имущество продавалось с публичных торгов.

Предполагалось изъять около 300.000 дес. земли у иностранных подданных⁴. Однако этот закон никоим образом не затрагивал дочерние немецкие колонии на Дону.

Вторым законом «О прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных местностях» российские власти изымали земли немецких колонистов, русских подданных в нескольких поколениях⁵.

¹ См.: РГИА.Ф. 1291. Оп. 84. Д. 41. Ч. 1. Л. 1.

² Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стенографические отчеты. Пг., 1915. Ч. 1 Стб. 427. См. также. Новое время. 1915. 5 августа.

³ См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства 1915 г. Отдел 1. Петроград, 1915. С. 564-566.

⁴ См.: Линдеман К.Э. Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников. Указы 2 февраля и 13 декабря 1915 г. и 10, 15 июля и 19 августа 1916 г. и их влияние на экономическое состояние южной России. М., 1917. С. 17.

⁵ См.: Собрание узаконений и распоряжений ... С. 566-568.

Главные положения этого закона заключались в следующем: в западном и южном приграничном пространствах русским подданным из германских, австрийских или венгерских выходцев предоставлялось право добровольно продавать недвижимое имущество, находящееся вне городских поселений: в пределах 150-верстной полосы вдоль существовавшей государственной границы с Германией и Австро-Венгрией и в пределах 100-верстной полосы в Финляндии и балтийских губерниях, по берегу Черного и Азовского морей включая весь Крым и по Закавказью до Каспийского моря.

Действие этих положений распространялось на имущества сельских обществ и отдельных лиц, которые приняли русское подданство после 1-го января 1880 года. Однако положения не распространялись: на отведенные обществам и лицам надельные земли; на лиц православного исповедания; славянского происхождения; участников лично или в боевых действиях русской армии и флота в звании офицера или в качестве добровольца, а также членов семьи по мужской линии; на вдов этих лиц (статья была значительно изменена указами 13 декабря 1915 года, 10 июня и 19 августа 1916 года).

Срок добровольной продажи недвижимости назначался: для 150-верстной полосы – до десяти месяцев, а для 100-верстной полосы – до одного года и четырех месяцев со дня обнародования списков владений, подлежащих отчуждению. По окончании этого срока имущество продавалось с публичных торгов.

Фактически срочному отчуждению подлежали земли, купленные дочерними колониями, например, в Области Войска Донского. На основании этого закона у германского подданного Ф. П. Янца при публичной продаже в 1916 г. Донской земельный банк почти даром приобрел землю за 2220 руб., несмотря на то, что он заплатил за нее в 1908 г. 4560 руб., а на момент продажи она уже стоила в 3 раза дороже¹. На этом же основании были выселены немцы из польских земель, затем Волынской, Киевской, Черниговской, Подольской и Лифляндской губерний.

Третим законом «О землевладении и землепользовании некоторых разрядов состоявших в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев» российские власти пытались прекратить расширение землевладений немецких поселенцев². Поэтому по нему запрещалось приобретать и арендовать земли и дома членам сельских обществ и лицам, владеющим землей. Но если немецкие поселенцы не принадлежали к сельским обществам и получили русское подданство до 1 января 1880 г., то они имели право приобретать, арендовать или закладывать внегородское недвижимое имущество.

3 июня 1915 г. Министерство народного просвещения предложило ввести учебным округам следующие изменения: преподавание всех предметов на государственном языке, за исключением слова Божьего и

¹ См.: ГАРО. Ф. 301. Оп. 7. Д. 5058. Л. 4-5об.

² См.: Собрание узаконений и распоряжений ... С. 3545-3551.

родного языка, с правом пользования родным языком в качестве вспомогательного средства на первых порах и не далее первого года обучения; заменить учителей колонистских школ, недостаточно владеющих русским языком, учителями, владеющими им и обладающими цензом, преимущественно из лиц русского происхождения. Замену учительского персонала предлагалось закончить к июлю 1915 г., а в случае невозможности подыскать кандидатов рекомендовалось закрыть училища. Лиц, пребывание которых в немецких училищах было нежелательно по мотивам военного времени, надлежало уволить¹.

Как же отреагировала местная власть на это распоряжение? В Таганрогском округе Войска Донского было два инспектора. Осенью 1915 г. один из них на своем участке закрыл школы во всех немецких колониях, а другой никого не уволил и школы продолжали работу. Таким образом: в одной части Таганрогского округа сгруппировались все неблагонадежные учителя и неблагонадежные немецкие школы, а в другой части округа, под тем же бдительным оком начальства, оказались все учителя и школы вполне благонадежные². И все же в конце 1916 г. школы в немецких поселениях Донского края были закрыты³.

Осенью 1915 г. Министерством внутренних дел были направлены секретные циркуляры областным и губернским правлениям, в которых предписывалось собрать точные и полные сведения о количестве немецких колоний, их месторасположении, о площади занятых земель, числе домохозяев, а также о взаимоотношениях немцев с местным населением и об их отношении к войне и «ликвидационным» мероприятиям.

23 октября 1915 г. войсковой наказной атаман Войска Донского постановил запретить «разговор на немецком языке на улицах, в трамваях и во всех публичных и общественных местах». Те же, кто нарушил это постановление, подлежали денежному штрафу до 3000 руб. или заключению в тюрьму до 3 месяцев⁴.

А столоначальник П. Щекашуров отправил отчет 2 июня 1916 г., в котором указывал, что в 168 колониях Области Войска Донского насчитывалось 10 327 человек, которые владели землею в количестве 154 966 дес. 730 к.с. При этом сообщал, что колонисты живут с окружающим населением мирно, враждебности к русским не проявляют, в разговорах сдержаны⁵.

13 декабря 1915 г. Совет министров утвердил закон «О некоторых изменениях и дополнениях узаконений 2 февраля 1915 года о землевладении и землепользовании подданных воюющих с Россией держав, а также австрийских, венгерских или германских выходцев».

¹ См.: Вашкау Н.Э. Школа в немецких колониях Поволжья. Волгоград, 1998. С. 126-127.

² См.: Линдемман К.Э. Указ соч. С. 207.

³ См.: Памятная книжка Области Войска Донского. Новочеркасск, 1916. С. 23.

⁴ См.: ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3777. Л. 1.

⁵ См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 41. Ч. 1. Л. 300-334.

Теперь на основании закона принудительному отчуждению подлежали недвижимые имущества немецких колонистов на пространстве всей губернии, входящей в стоверстный (и 150 верстный) приграничный пояс: в трех прибалтийских, в польских губерниях, Петроградской, Ковенской, Гродненской, Виленской, Минской, Холмской, Киевской, Волынской, Бессарабской, Подольской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской, Области Войска Донского и во всех местностях Кавказского края, Великого Княжества Финляндского и приамурского генерал-губернаторства.

В пределах всего государства им запрещалось приобретать или арендовать недвижимую собственность. Кроме того, в законе говорилось: «Поселянам, состоящим членами сельских обществ, а также владельцам, по быту своему не отличающимся от крестьян, или перешедшим в русское подданство после 1 января 1880 года, воспрещается заведовать в качестве поверенных или управляющих недвижимыми имуществами, находящимися вне городских поселений. Указанное заведование недвижимыми имуществами, основанное как на формальных актах, так и на словесных соглашениях, неформальных сделках или без всяких сделок прекращается по истечении двух месяцев со дня обнародования настоящего постановления»¹.

Законами 2 февраля и 13 декабря 1915 г. началась ликвидация немецкого землевладения в Российской империи. На территории юга России первыми подверглись экспроприации земли немцев в Таганрогском округе Области Войска Донского².

Однако в целом по стране, да и Войске Донском так и не была дана точная статистика имеющихся немецких хозяйств, и не выявлены точные размеры земельных наделов. В Донской Области в связи с широким распространением фидеикомисса, не были установлены даже имена владельцев³.

Процесс отчуждения земель начинался с составления списков владельцев ликвидируемых землевладений и их публикации в местных губернских и областных «Ведомостях»⁴. Публикация предупреждала владельцев о предстоящем отчуждении.

Списки содержали многочисленные неточности, так как составлялись не на основе книг нотариальных архивов, а по сведениям полиции, мировых посредников, волостных правлений. Например, К. Я. Трай обратился к войсковому наказному атаману с прошением об изъятии его недвижимого

¹ Собрание узаконений и распоряжений ... С. 3550.

² См.: ГАРО. Ф. 301. Оп. 8. Д. 2317. Л. 389.

³ См.: Плохотнюк Т.Н. Действие «ликвидационных» законов на Северном Кавказе в 1915-1917 гг. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: Материалы международной научной конференции. Москва, 17-20 сентября 1998 г. М., 1999. С. 232.

⁴ В газете «Донские областные ведомости» подобный список был опубликован впервые в № 68 и 132 за 1916 г.

имущества от действия ограничительных правил, так как он имеет боевые награды и его прошение было удовлетворено¹.

Иногда дело доходило до того, что уполномоченный Крестьянского банка, которому было поручено скупать земли немецких колонистов, являлся к владельцу предложенного к отчуждению имения в сопровождении полиции, как, например, в колонии Принцы Александровской волости Таганрогского округа Области Войска Донского². Полиция в данном случае своим присутствием санкционировала действия агента Крестьянского банка, сообщавшего владельцам о состоявшейся ликвидации их колонии и предлагавшего им подписать договор, получивший название «акта перехода имения». В некоторых случаях владельцы, не получив официального извещения о состоявшейся продаже своего имения, отказывались подписывать эти «переходные акты». При этом Крестьянский банк получил право ликвидировать каждую добровольную сделку, используя возможность понижать договоренную цену, чтобы оставлять продаваемое владение за собой. Отчуждение шло с большими нарушениями, и летом 1916 г. правительство утвердило указ для дальнейшего развития и разъяснения законов 2 февраля и 13 декабря 1915 г. по представлениям «Комитета по борьбе с немецким засильем»³.

Указом 10 июля 1916 г. Крестьянскому банку предоставлялось право удерживать: от 5 до 10% покупной цены, если ко времени перехода купленного с торгов имения в распоряжение банка не будут произведены очередные посевы; 5% этой цены, если будет не исправен инвентарь, а также: посуда, удобрение, топливо, запасы зернового хлеба, сена и соломы.

Банк получил возможность удерживать 5% покупной цены при покупке инвентаря, так как он, конечно, будет подержанный (более или менее изношенный). Значит, всегда можно будет признать его состояние негодным. То же самое относилось и к запасам хлеба, сена и соломы. Поэтому отделения Крестьянского банка спешили использовать указ 10 июля 1916 г.

Были случаи, когда после покупки немецкого хозяйства агенты банка предлагали бывшим владельцам принять управление этим имением на своих условиях. Но чаще всего владельцы отказывались подписывать бумаги.

Если указ 2 февраля 1915 г. предоставлял льготу от ликвидации имения те семьи, в которых отцы или сыновья участвовали в боях, награждены орденами или же убиты в сражениях независимо от того, в каком месяце 1915 или 1916 гг. это событие произошло, то разъяснительный указ 15 июля 1916 г. уже устанавливал правило, что льготой могут пользоваться только те семьи, в которых отцы и сыновья участвовали в боевых действиях, награждены или убиты до момента опубликования списка владений, подлежащих продаже.

¹ См.: ГАРО. Ф. 301. Оп. 8. Д. 2317. Л. 1-2.

² См.: Там же. Оп. 7. Д. 4903. Л. 48-49 об.

³ Комитет по борьбе с немецким засильем был утвержден Николаем II 1 июня 1916 г. Он должен был координировать деятельность государственных и общественных учреждений в проведении мероприятий по освобождению страны от немецкого влияния во всех областях народной жизни.

Получалось, что опубликованный список имел такое большое значение, что боевые заслуги и сам факт смерти за родину меркли перед этим актом. Например, просителю «Готлибу Таблеру, родившемуся в России в 1840 г., предки которого приняли русское подданство в 1819 г.; был политически благонадежен; сын награжден наградой от 17 июня 1916 г. № 2960»¹ было отказано в льготе, так как сын его получил медаль «за разведку ночью» после выхода закона 15 июля 1916 г.

Как глубоко отличался дух этого указа от благородного восклицания члена Государственной Думы В. В. Шульгина: «А пока эти люди носят почетное звание солдата и защищают русское государство, до тех пор руки прочь от их имущества»².

19 августа 1916 г. были изданы еще два указа, которые разъясняли положения 2 февраля и 13 декабря 1915 г. Первым указом – «Об изменении, дополнении и изъяснении узаконений 13 декабря 1915 г. о некоторых изменениях и дополнениях узаконений 2 февраля 1915 г. о землевладении и землепользовании подданных воюющих с Россией держав, а также австрийских, венгерских и германских выходцев» австро-венгерским и германским подданным славянского, французского и итальянского происхождения, а также болгарским и турецким подданным христианских вероисповеданий давалось право «арендовать на срок не свыше двух лет земельные участки под разведение полезных земледельческих культур, необходимых для нужд обороны или потребности сельского хозяйства». Такое разрешение давалось министром внутренних дел по соглашению с министром земледелия.

Вторым указом «О некоторых изменениях и дополнениях узаконений 2 февраля и 13 декабря 1915 г. о мерах к сокращению иностранного землевладения и землепользования в государстве Российском» разъяснялся порядок отчуждения надельных земель, общественных построек, а также различных общественных и благотворительных капиталов и текущих денежных поступлений, а также порядок денежных расчетов с отдельными членами сельских и других обществ и порядок расходования общественных денежных средств согласно их первоначальному назначению.

В указе говорилось о передаче отчужденных общественных строений во владение других учреждений. Также указывалось, что действие законов 2 февраля и 13 декабря 1915 г. «может быть приостановлено на срок не свыше двух лет со времени настоящего узаконения в случаях, когда на означенных участках находятся действующие промышленные предприятия, выполняющие преимущественно заказы для нужд обороны, либо обслуживающие потребности, связанные с военными обстоятельствами».

В указе оговаривался порядок применения этой льготы. Совет министров мог даже удлинить указанный двухлетний льготный срок. Однако через два

¹ ГАРО. Ф. 301. Оп. 8. Д. 2317. Л. 330-331.

² Цит. по: Линдеман К. Э. Указ соч. С. 65.

месяца были отменены льготы, предоставляемые лицам, на чьих землях были расположены промышленные предприятия.

В связи с этим член Государственной думы П. В. Каменский на заседании Государственного совета высказал свое мнение: «В трех губерниях и в Области Войска Донского имеется 49 паровых мукомольных предприятий... перерабатывают ежегодно 14 000 000 пудов зерна. Если проводить мероприятия по ликвидации в спешном порядке, то эти мельницы, из коих мука доставляется в армию и в столицы, а также и для местного населения, должны приостановить свою работу, ибо для этих предприятий нельзя найти заместителей в семидневный срок»¹.

Наиболее существенные положения этого указа состояли в следующем: наделы и недвижимые имущества подлежали отчуждению только вместе. Общественные постройки, возведенные на этих землях и находившийся в них инвентарь, вносились земскими начальниками в особую опись и поступали в собственность Крестьянского банка безвозмездно.

Как же происходили эти описи? Полицейский пристав приглашал оценщиков и понятых обычно из крестьян, которые были почти незнакомы со сложными машинами и ценами на производителей скота. Например, в колонии Эйгенгейм сельскохозяйственные машины и животные были оценены без осмотра прямо по списку в 35 881 руб. В то время как до войны одна лошадь стоила около 300-400 руб., а их в колонии было 127 и насчитывалось 52 жеребенка; вейлка стоила 120 руб., а их было 7. Кроме этого в колонии имелось 64 плуга различной системы, 4 паровых и 2 конных молотилки и много другого сельскохозяйственного инвентаря. А хозяйственные постройки были оценены в 31 300 руб. Несмотря на то, что в колонии имелся завод по переработке сельскохозяйственной продукции, который до войны давал доход 1500 руб., а также ветряная мельница с доходом 500 руб. Десятина земли была оценена в 100 руб., тогда как до войны ее цена доходила до 300-500 руб. В результате Крестьянский поземельный банк приобрел имущество колонии за очень низкую цену – 438 130 руб².

Все наличные суммы и капиталы переводились по распоряжениям земских начальников на депозит уездного съезда земских начальников. Страховые капиталы переводились на депозит губернского присутствия, сиротские суммы – в ведение опекунских учреждений.

Крестьянский банк должен был выдавать вознаграждение за отчужденный участок каждому домохозяину отдельно. Причем выплачивалось оно именными свидетельствами, которые подлежали оплате через 25 лет, и их нельзя было ни продать, ни передать по наследству. Такая форма расчета была невыгодна немецким колонистам потому, что цены за земельные участки за это время могли возрасти во много раз, а также если владелец земли умирал, то его наследники не могли претендовать на выплату

¹ Там же. С. 80-81.

² См.: ГАРО. Ф. 301. Оп. 7. Д. 4904. Л. 82-83 об.

с именных свидетельств. Зато такая форма расчета была выгодна российским властям.

Указом 19 августа 1916 г. поручалось земскому начальнику, при получении им от Крестьянского банка сообщения об оставлении за банком имущества какого-либо сельского общества не позднее чем через три дня созвать сход и выяснить размер вознаграждения каждому члену общества. Если общество, почему-либо, в семидневный срок это не выясняло, то земский начальник «немедленно сам производит эти действия, в присутствии должностных лиц сельского или волостного управления, наличного числа явившихся домохозяев и трех сторонних добросовестных лиц» (ст. 18), после чего он составлял акт, который немедленно предъявлялся местному общественному управлению. Жалобы же на постановления земского начальника через три дня после опубликования передавались уездному съезду, решения которого «ни в каком порядке обжаловано быть не может» (ст. 21). Таким образом, Крестьянским поземельным банком в 1915 - 1916 гг. только в Таганрогском округе Области Войска Донского были приобретены земли 41 немецкой колонии¹.

Немцы считали себя российскими поданными и были убеждены, что ликвидационные законы их не коснутся. Желая избежать секвестра и экспроприации, колонисты подавали прошения в различные государственные инстанции.

Большие надежды немцы возлагали на депутатов Государственной Думы. Например, жители колоний Ровнополь, Бишлеровка, Чепелиевка, Петропавловка, Новая Надежда, Новиковка, Жировка, Ротовка, Петропавловка Области Войска Донского отправили ходатайство в Государственную думу с просьбой об изъятии их из действия законов от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. об ограничении и прекращении иностранного землевладения. Они приводили примеры безграничной преданности российскому государству, напоминали об экономической пользе немецкой колонизации донских земель. И о том, что их это «совершенно разорит и более 3000 владельцев с семьями превратятся в пролетариат, который будет тягостен для государства, ибо его придется продовольствовать на счет казны», а также о возможных потерях в результате ликвидации немецкого землевладения. Немцы просили избавить их от незаслуженно жестокого наказания². Однако их прошение осталось без ответа.

Российские власти, проводя антинемецкую кампанию с 1914 г., нанесли значительный удар по немецкому землевладению. В ходе проводимой экспроприации недвижимого имущества был нанесен существенный ущерб не только колонистским хозяйствам, но и экономике тех регионов, где она проводилась, в частности Области Войска Донского.

Под действие закона попадали в основном мелкие владельцы, как иностранные, так и (в подавляющем большинстве) российские подданные,

¹ См.: ГАРО. Ф. 213. Оп. 3. Д. 53. Л. 6-7.

² См.: РГИА. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 144. Л. 2.

для которых он не предусматривал никаких смягчающих обстоятельств (какие-либо заслуги перед Россией и тому подобное). Обладатели же крупных помещичьих имений, наоборот, получали по закону существенные льготы, что нередко давало им возможность избежать действия «репрессивных мер».

Х. Ю. Вердиева
(Баку)

Ограничительные меры Кавказского Наместничества в годы Первой мировой войны в отношении подданных Четверного Союза

Летом 1914 года раздались выстрелы в Сараево и началась Первая Мировая война. Накануне войны страны-участники противоборствующих сторон – Антанты и Тройственного Союза¹, в том числе Россия и Германия, стремились, с одной стороны, расширить сферу влияния на Ближнем и Среднем Востоке, с другой, – получить в регионе господство над военно-стратегическим сырьем – нефтью. В начале XX века нефть стала топливом для морского флота, горючим для механизированных наземных и воздушных частей, а также материалом для взрывчатых веществ. И это новое качество нефти являлось центром узла военно-политических противоречий противоборствующих сторон. Если Германия в отличие от своих противников являлась импортером нефти, то Россия была экспортером нефти и имела определенные планы в отношении проливов, ибо в этот исторический период для России жизненно важной задачей являлась «приобретение полных и неотъемлемых прав и на Черное море и на проливы»².

Проникший в конце XIX века на европейскую политическую сцену армянский вопрос также усугублял военно-политические противоречия между Россией и Германией, Россией и Османской империей. О значимости данного вопроса особо подчеркивал один из руководителей внешней политики Кайзеровской Германии Циммерман. Он считал, что Германия никогда не сумеет господствовать на Ближнем Востоке, пока Россия не откажется от своих притязаний на Восточную Анатолию³. Обостренные противоречия между Россией и Германией в предвоенные годы оказывали большое влияние на формирование негативного отношения Российского

¹ Тройственный союз, как известно, включал в себя Германию, Австро-Венгрию и Италию. После выхода Италии из этого союза и вхождения в него уже после начала войны Болгарии и Османской империи военно-политический союз этих четырех государств стал называться Четверным союзом.

² Мурадалиева Э. Б. Кровь земная – нефть Азербайджана и История. Баку, 2005. С.83

³ См.: Киракосян Д. С. Младотурки перед судом истории. Ереван, 1989. С.195.